

ВОЛНЕНИЕ

Пьеса об «Авторе»

Итак, миф не есть историческое событие как таковое, но он всегда есть слово. А в слове историческое событие возведено до степени самосознания.

А. Лосев «Диалектика мифа»

Нужно быть до последней степени близоруким в науке, даже просто слепым, чтобы не заметить, что миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но — наиболее яркая и самая подлинная действительность.

А. Лосев «Диалектика мифа»

Любовь — это волнение Творца, который волнуется за всех нас в каждом из нас.

Раби Шалом бар Эликеах Розэр, XVII в.

Действующие лица:

Улья Рихте — знаменитая американская писательница.

Кшиштоф Зелинский — польский журналист.

Стив Ракурн — литературный агент Ульи Рихте.

Натали Блуменштайн — дочь и юрист Ульи Рихте.

Майкл — фотограф.

Ведущий — приятный мужской голос.

Нью-Йорк. Гостиная в квартире знаменитой писательницы Ульи Рихте. Комната обставлена дорого и очень современно. Посреди комнаты большой диван, рядом с ним низкий журнальный столик из стекла. Рядом с диваном кресло. В правом углу также несколько кресел и еще один журнальный столик, в левой части комнаты — двери, ведущие в прихожую и в другую часть квартиры. В глубине комнаты большие окна, выходящие на улицу, и, судя по виду за окном, квартира находится в одном из высотных зданий на Манхэттене. На специальной полке в левой стене выставлена дорогая выпивка: вино, виски, коньяк и многое другое. На других стенах полки с книгами. На полу у окна лежат стопки каких-то журналов и бумага.

Входят: журналист Кшиштоф Зелинский, фотограф Майкл, литературный агент Стив Ракурн и дочь Ульи Рихте — Натали Блуменштайн.

НАТАЛИ. Пожалуйста, располагайтесь, мама сейчас придет. Она попросила дать ей еще десять минут.

КШИШТОФ. Большое спасибо. Как здесь мило! Я так понимаю, что именно тут миссис Рихте создает свои великие произведения?

Звучит приятный и заботливый мужской голос Ведущего.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Польский журналист Кшиштоф Зелинский приехал в Нью-Йорк, чтобы взять интервью у всемирно известной писательницы Ульи Рихте.

НАТАЛИ. Вообще-то, мама все свои книги пишет либо в кафе, либо в аэропорту.

КШИШТОФ. О! Спасибо за такую важную деталь! Обязательно поговорю с миссис Рихте и об этом.

Пауза.

СТИВ. Я прошу вас понять одну вещь, Кшиштоф, — Уля очень застенчива. Она глубокий интроверт. И ее очень часто тошнит, когда она дает интервью.

КШИШТОФ. Я постараюсь учесть и это, мистер Ракурн.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Кшиштоф немного волнуется, потому что он потратил почти год, чтобы добиться согласия Ульи Рихте на интервью.

СТИВ. Как вы знаете, Уля Рихте дает интервью очень редко, только когда выходит ее новая книга и только самым престижным мировым изданиям, таким как New Yorker или Rolling Stone. Но поскольку эта ее книга связана с Польшей, то все мы понимаем необходимость интервью для польского издания. Так что большое спасибо, мистер Зелинский, за ваше настойчивое желание поговорить с нашей Улей.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Стив Ракурн является литературным агентом Ульи Рихте, и поэтому он ведет себя с подчеркнутой важностью. Ему очень важно, чтобы польский журналист испытывал трепет и уважение к знаменитой писательнице и одновременно ощущал чувство бесконечной благодарности к нему, Стиву Ракурну, за то, что он предоставил польскому журналисту такую возможность.

КШИШТОФ. Да что вы! Это я бесконечно благодарен вам, мистер Ракурн, за предоставленную возможность. Нет нужды говорить о том, какой я испытываю трепет и уважение к миссис Рихте.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Кажется, Кшиштоф забыл поблагодарить дочь миссис Рихте Натали Блуменштайн, а ведь это именно ей удалось уговорить свою мать дать интервью польскому изданию.

СТИВ. Ну и конечно, прежде всего нам нужно поблагодарить нашу несравненную Натали. Ведь это именно ей удалось уговорить нашу Улю дать это интервью.

КШИШТОФ. Ну конечно! Я вам так благодарен, Натали, что....

НАТАЛИ. Ладно, нам это нужно не меньше, чем вам. Польское издательство заплатило за права довольно приличную сумму, честно говоря, даже удивительно, что в такой маленькой бедной стране способны столько заплатить.

КШИШТОФ. Наверное, потому что это книга о Польше. И потому что мы, поляки, гордимся своей знаменитой соотечественницей.

НАТАЛИ. Кстати, будьте осторожны с вопросами про Польшу. Моя мать никогда и нигде не упоминает о том, что у нее польские корни. Поэтому ни в коем случае не разговаривайте с ней как с полькой. Для мира она Уля Рихте — американская писательница немецкого происхождения, живущая в Нью-Йорке.

Фотограф Майкл фотографирует Натали.

НАТАЛИ. Он что, так и будет щелкать своим аппаратом у нас под носом?!

СТИВ. К сожалению, другого варианта нет. Улья ни за что не согласится на отдельную фотосессию, тем более для польского издания.

НАТАЛИ (*обращаясь к фотографу*). А вы что, тоже из Польши?

МАЙКЛ. А какая разница?

СТИВ. Нет, что ты! Майкл из Нью-Йорка. Он работает для самых престижных изданий, таких как Esquire, например. Несколько лет назад он даже делал обложку для Time! Да, Майкл?

МАЙКЛ. Послушайте, какая разница? Вы не могли бы быть немного повежливее?!

НАТАЛИ. Я не вежлива?!

МАЙКЛ. Я здесь делаю свою работу, ок?

НАТАЛИ. Ок. Конечно, — ок.

Натали приносит несколько бутылок воды и два стакана, расставляет их на стеклянном столике перед диваном.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Натали серьезно переживает за то, как все пройдет, потому что знает, какой непростой характер у ее знаменитой мамы. А это интервью действительно очень, очень важно для всей их семьи.

КШИШТОФ. Может быть, вы сейчас еще раз скажете то, о чем я категорически не должен спрашивать?

СТИВ. Ну что вы, Кшиштоф! Мы в Нью-Йорке, самом демократическом городе мира. Ваше право спрашивать, о чем вы хотите. Разумеется, выказывая уважение. Запретных тем нет. Я бы только настоятельно не рекомендовал вам касаться трех вещей. Первое, как уже и сказала Натали, не намекайте Улье на ее польское происхождение и не вспоминайте о том, что она родилась в Кракове во время фашистской оккупации. Второе — не вспоминайте того скандального случая два года назад, когда после выхода ее романа «Кровь» Улью обвинили в антисемитизме и даже лишили номинации на Нобелевскую премию, и третье — ни в коем случае не спрашивайте Улью об ее немецком отце. Все остальное — добро пожаловать!

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Стив так же, как и Натали, очень волнуется за то, как все пройдет. Он знает, что это интервью польскому изданию очень, очень важно для Ульи Рихте.

КШИШТОФ. Простите, не сочтите мой вопрос невежливым. Прошу вас, поймите меня правильно... Но все же это интервью с миссис Рихте, вы уверены, что ваше присутствие, Стив, и ваше, Натали, тут обязательно — в том смысле, что... может быть, вы будете ее сковывать... она может вас стесняться... в конце концов...

СТИВ. Остановитесь, Кшиштоф! Будем считать, что вы этого не говорили, а мы этого не слышали. Улья никогда не общается с посторонними людьми без меня или без Натали. И это интервью стало возможным только потому, что мы всячески заверили Улью, что будем вслушиваться в каждое слово и не позволим ей и вам сойти с правильного пути.

НАТАЛИ. Мы должны идти по правильному пути, Кшиштоф, надеюсь, вы это понимаете?

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Кшиштоф не до конца понимает, что означает выражение «идти по правильному пути», ведь он принадлежит к леволиберальному крылу в польской журналистике, поэтому значение слова «путь» ему неизвестно.

СТИВ. Нашей общей целью является блистательное интервью, которое удовлетворит польских читателей, польское общество и которое подаст правильный сигнал кое-кому тут, в Нью-Йорке.

НАТАЛИ. Но прежде всего этим интервью должна быть довольна сам Уля Рихте.

СТИВ. Ну разумеется!

НАТАЛИ. Впрочем, и журналист тоже.

СТИВ. Разумеется.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Кшиштоф не знает, что настоящей целью этого интервью является примирение писательницы Ульи Рихте с влиятельной еврейской диаспорой в Нью-Йорке, которая после предпоследнего романа Ульи под названием «Кровь» обвинила писательницу в антисемитизме и вынудила Нобелевский комитет вычеркнуть Улью из листа номинантов на Нобелевскую премию по литературе.

КШИШТОФ. Поймите, я даже очень рад, что вы здесь, я только подумал, что...

НАТАЛИ. А вот фотограф, возможно, тут действительно лишний.

СТИВ. Но фотографии нужны, Нэт.

НАТАЛИ. Пускай он придет к концу беседы. Пускай он придет через час и по окончании беседы сделает несколько снимков.

СТИВ. Для хороших снимков нужно время. А она ни за что не согласится дополнительно позировать, тем более для польского издания, ты же знаешь.

НАТАЛИ. Ну так пускай эти фотографии будут не только для польского издания, возьмем их и для других изданий, разместим их на нашем сайте.

СТИВ. Этот фотограф нанят и проплачен польским изданием. И весь контент принадлежит этому изданию. Причем это очень дорогой фотограф. Я даже удивляюсь, откуда у польского издания деньги на оплату такого дорогого фотографа.

МАЙКЛ. А это нормально, что вы меня обсуждаете в третьем лице и при мне же?

НАТАЛИ. Да, это нормально.

СТИВ. Не слушай нас, Майкл. Делай свое дело, ты же профессионал.

МАЙКЛ. Если вы еще раз выкажете мне свое неуважение, я отсюда уйду, вам ясно?

КШИШТОФ. Друзья, я прошу вас! Майкл, я прошу тебя! Я год добивался этого интервью! Да если честно, я всю жизнь добивался этого интервью! Пожалуйста, давайте ничего не испортим.

СТИВ. Мы здесь именно для этого, Кшиштоф. Чтобы никто ничего не испортил.

НАТАЛИ. Хорошо, пусть фотограф останется, раз так нужно.

МАЙКЛ. Спасибо, красивая, холодная штучка.

НАТАЛИ. Что-что?!

МАЙКЛ. Все ок. Все ок. Я пошутил!

КШИШТОФ. Майкл, я прошу тебя!

НАТАЛИ. Ну, знаете ли!

СТИВ. Спокойно, спокойно. Мы все тут на нервах. Майкл, не обращай внимания на Натали, она просто очень волнуется.

МАЙКЛ. Трудно не обращать внимания на такую красотку.

НАТАЛИ. Что он говорит?! Вы слышали?! Мне что, вызвать полицию?! Или ты хочешь, чтобы я написала в фейсбуке о том, что ты меня сексуально домогался во время фотосессии моей матери? Хочешь, чтобы твоей карьере пришел конец, да?

МАЙКЛ. О боже, куда я попал!

СТИВ. Успокойтесь немедленно! Перестань, Нэт! Не реагируй на него. И ты, Майкл, перестань! Все заткнитесь и молча ждите. А ты, Кшиштоф, просто доверься нам с Нэт. Пойми, мы твои главные помощники. Все будет очень хорошо, не сомневайся.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Кшиштоф не может побороть сильное волнение, потому что это интервью очень, очень важно для его дальнейшей карьеры, ведь на самом деле Кшиштоф мечтает о работе журналиста в Нью-Йорке.

КШИШТОФ. Натали, Стив, я вам полностью доверяю и еще раз хочу поблагодарить вас за возможность этого интервью.

СТИВ. Это правильно, Кшиштоф. Нью-Йорк — это опасная территория, тут нужны умелые проводники.

НАТАЛИ. Поэтому, если разговор пойдет как-то не так, мы подадим тебе сигнал. Я зайду за спину моей матери и помашу тебе рукой. Вот так (*показывает, как она помашет*) — это означает, что нужно срочно менять тему.

СТИВ. Мы твои проводники, Кшиштоф. Мы поведем тебя.

КШИШТОФ. Ну хорошо. И все-таки! И все-таки в новом романе миссис Рихте несколько раз упоминается концлагерь Аушвиц, и я не могу не коснуться этой темы, раз уж в книге об этом говорится. Да и вообще, это роман о Польше, как же я могу не поговорить с миссис Рихте о Польше?

СТИВ. Объясняю еще раз! Ты можешь говорить с ней, о чем хочешь. Запретных тем нет. Говори с ней о концлагерях, говори о Польше, о евреях...

НАТАЛИ. Стив!

СТИВ. А почему бы и нет?! Говори с ней о евреях, о нацистах, о ком и о чем угодно. Только не упоминай в разговоре ее польское происхождение, не вспоминай о том, что она родилась на оккупированной территории в Кракове, не касайся темы обвинений ее в антисемитизме и не спрашивай Улья об ее отце. Вот и все, Кшиштоф. На территории США запретных тем нет, есть только «нежелательные», расслабься, Кшиштоф.

Дверь в комнату открывается, входит Улья Рихте.

УЛЬЯ. Здравствуйте. Это я.

Натали и Стив подходят к Улья.

НАТАЛИ. Мама.

СТИВ. Улья! Ну проходи же! Прходи.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Писательница Улья Рихте очень застенчива. Она глубочайший интроверт, поэтому каждое знакомство с новыми людьми вызывает у миссис Рихте самый настоящий стресс.

СТИВ. Позволь, я тебе представлю вот этого очаровательного молодого человека. Это Кшиштоф. Он специально прилетел из Польши, чтобы с тобой побеседовать.

КШИШТОФ. Здравствуйте, миссис Рихте. Для меня большая честь пожать вам руку.

Кшиштоф протягивает Улье руку. Улья пожимает Кшиштофу руку, рассматривает его с интересом.

СТИВ. Я думаю, что Улья хотела бы, чтобы ты, Кшиштоф, не обращался к ней «миссис», а просто называл ее по имени. Все правильно, Улья?

УЛЬЯ. Все правильно.

Улья продолжает рассматривать Кшиштофа.

КШИШТОФ. Да, конечно, как скажете. Хотя признаюсь, что для меня как для поляка, воспитанного в семье интеллигентов, это непросто.

ГОЛОС ВЕДУЩИЙ. Однажды, когда старшая сестра Кшиштофа Марта сломала ногу... впрочем, это неважно. Извините.

УЛЬЯ. Я так понимаю, что этот молодой мужчина с фотоаппаратом — фотограф?

СТИВ. Да, Улья, это Майкл. Один из самых лучших фотографов в мире. Он делал обложку Time.

УЛЬЯ (*бросая на Майкла кокетливый взгляд*). Очень приятно! Очень приятно, Кшиштоф. Приступим.

Улья идет к дивану, садится на диван. Кшиштоф кладет диктофон и еще «на всякий случай» айфон с включенным диктофоном на столик перед Ульей, а сам садится справа от Ульи в кресло. Стив и Натали отходят в глубину комнаты и размещаются на креслах возле журнального столика. Майкл отходит к окну, присаживается на подоконник.

КШИШТОФ. Ну что же! Давайте начинать. Знаете, для начала я хотел бы спросить вас...

УЛЬЯ. Тут где-то был виски, Натали, налей мне немного виски.

НАТАЛИ. Ты уверена?

УЛЬЯ. Да, я уверена.

Пауза. Улья по-прежнему очень странно смотрит на Кшиштофа — так, как будто перед ней редкого вида насекомое.

СТИВ. Я принесу.

УЛЬЯ. Спасибо, Стив. Я, знаете ли, пью только виски, мой муж был ценителем виски и приучил меня к этому вкусу.

Стив идет к полке со спиртным, наливает полстакана виски, ставит на столик перед Ульей, но та не притрагивается к бокалу.

СТИВ. Тебе я не предлагаю, Кшиштоф, но если ты тоже хочешь немного выпить, то...?

КШИШТОФ. Нет-нет, спасибо. Я буду воду.

СТИВ. Я так и думал.

Стив возвращается на свое место рядом с Натали.

Пауза.

Раздается щелчок фотоаппарата. Улья резко оборачивается и смотрит на Майкла. Майкл улыбается Улье и немного по-детски пожимает плечами.

УЛЬЯ. Забавно.

НАТАЛИ. Если фотограф тебе мешает, мы можем его убрать.

МАЙКЛ. Что ты сказала, Барби, — убрать?

НАТАЛИ. Что? Как ты меня назвал? Барби?!

УЛЬЯ. Забавно, что этот молодой мужчина, фотограф, выглядит так, как я себе представляла должен был бы выглядеть мой мужчина. Ну или если не мой мужчина, то хотя бы твой мужчина, Натали. Присмотрись к нему повнимательней, он идеальный кандидат на роль твоего мужа.

МАЙКЛ. Ого!

НАТАЛИ. Боже мой, мама!

МАЙКЛ. Так ты что, значит, не замужем?

НАТАЛИ. Что тут происходит? Какого черта?!

СТИВ. Мы немного отвлеклись. Давайте начинать интервью. Кшиштоф, берите все в свои руки.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Когда цветок распускается, он высылает в мир прекрасный запах — запах, сообщающий этой вселенной, что он готов.

УЛЬЯ (*обращается к Майклу*). Простите, я забыла ваше имя?

МАЙКЛ. Майкл.

УЛЬЯ. Идеально!

СТИВ. Кшиштоф!

КШИШТОФ. Знаете, Улья. Прежде всего, я хотел бы спросить вас о ваших корнях. Кем вы себя ощущаете? Полькой? Немкой? Или уже американкой?

Пауза.

Натали и Стив замерли в оцепенении.

Раздается щелчок фотоаппарата.

Пауза. Улья делает внушительный глоток виски.

Раздаются подряд несколько щелчков фотоаппарата.

УЛЬЯ. Я родилась 1943 году в Кракове, за несколько месяцев до прихода Красной армии. Моя мать — польская еврейка из древнего еврейского рода. А мой отец был офицером СС. Он изнасиловал мою мать, но оставил ее в живых. Моя мать была человеком очень религиозным и не решилась избавиться от ребенка, так я и появилась на свет. Спустя много лет, когда мне исполнилось двадцать пять, я разыскала своего отца. Он как раз вышел из лагеря в СССР и вернулся в ГДР. Отец провел в русских лагерях около пятнадцати лет, потом еще восемь лет жил и работал в Сибири на поселении, а в 1968-м

ему позволили вернуться в Германию. И вот мы с ним встретились. Он, конечно, не знал о моем существовании. Я ему обо всем рассказала и поставила ему условие: либо он принимает меня как дочь и помогает мне переехать в Германию, либо я иду в полицию и рассказываю об изнасиловании моей матери. И тогда он, скорее всего, получит еще один дополнительный срок. Вот такое условие я ему поставила. И он сделал выбор — признал меня своей дочерью. И мы до самой смерти не прерывали нашего общения. Потом, в конце 70-х, он помог мне получить немецкое гражданство и переехать в Восточный Берлин. Вот так я нашла отца и стала немкой. А в 1982 году, первый раз приехав в Нью-Йорк, я случайно встретила своего будущего мужа — преуспевающего бизнесмена Дэвида Блуменштайна. Через год у нас родилась дочь Натали, вот она. А еще через пару лет я окончательно переехала жить в Нью-Йорк. Сейчас я гражданин США. Вот вкратце моя биография. Следующий вопрос?

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Когда знаменитого немецкого ученого, работающего с нацистами, Карла Фридрихгельма спросили, что лучше — патриотизм или желание быть самим собой? Он ответил, что когда цветок раскрывается и тем самым подает кое-кому тайный знак, то пчела прекрасно понимает, о чем идет речь, потому что этот тайный знак предназначен для нее.

Пауза.

Улья все так же странно смотрит на Кшиштофа. Натали, не привлекая к себе внимания, заходит за спину Улья и оттуда машет Кшиштофу рукой, намекая на то, что разговор пошел не в ту сторону.

Майкл наводит камеру на Натали, делает снимок. Щелчок фотоаппарата. Натали резко опускает руки и возвращается на место.

Пауза.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Так как настоящая пчела это всегда — мед.

КШИШТОФ. Но, насколько мне известно, по крайней мере так об этом написано в Википедии, — вы родились в 1943 году в Кракове, в семье немецкого офицера и польки Барбары Дбежинской, которая сошлась с вашим отцом и стала работать на нацистов?

Пауза.

УЛЬЯ. Возможно.

КШИШТОФ. Зачем же вы тогда сейчас рассказали эту ужасную историю об изнасиловании вашей матери?

УЛЬЯ. Это произошло спонтанно! Возможно, я просто хотела подыграть твоей журналистской прожорливости, а возможно, потому что я писатель и мне всегда нужно создавать какую-то мифическую реальность, чтобы вам, моим читателям, было не скучно... Не скучно жить.

КШИШТОФ. Одним словом, вы больше любите «вымысел», чем реальность?

УЛЬЯ. Скажем так — я люблю миф. А миф — это всегда реальность. Вы знаете об этом?

КШИШТОФ. В каком смысле миф — это реальность?

УЛЬЯ. Сейчас у меня нет времени учить тебя тому, что такое «миф», мой неразвитый поляк. Поехали дальше.

СТИВ. Простите, но я вижу, что Уля не очень хорошо себя чувствует, предлагаю перенести это интервью на завтра.

НАТАЛИ. Хорошая мысль!

УЛЬЯ. Плохая мысль. Я чувствую себя так, как нужно, продолжаем, Кшиштоф.

Кшиштоф выпивает полстакана воды.

КШИШТОФ. Как вы думаете, почему после выхода вашего предпоследнего романа «Кровь» вас обвинили в антисемитизме?

Пауза.

УЛЬЯ. Потому что главная героиня романа, американская писательница, приходит к выводу, что она не любит свою собственную кровь. Кровь, которая течет у нее по венам. А поскольку по национальности она полька, то... Вы любите свою кровь, Кшиштоф?

КШИШТОФ. Странный вопрос. Никогда не думал об этом.

УЛЬЯ. Как вы думаете, что в вас самое необычное, на ваш взгляд?

КШИШТОФ. Я гей.

УЛЬЯ. Вам что, не нравится, что вы гей?

КШИШТОФ. Ну конечно, мне нравится, что я гей.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Кшиштоф уже несколько лет живет со своим возлюбленным мужчиной из Бельгии, которого зовут Оливер. Оливер работает директором офиса известной бельгийской компании New Colors of Space в Варшаве.

УЛЬЯ. Видите ли, у вас нет конфликта с самим собой, и поэтому вам будет трудно меня понять. А вы любите свою кровь, Майкл?

МАЙКЛ. Трудно сказать, на вкус я ее не пробовал.

УЛЬЯ. Смешной ответ.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Сейчас Стив и Натали думают, что «все пошло не так» гораздо быстрее, чем они могли это предположить.

УЛЬЯ. А моя героиня не любила свою кровь. Она ведь ее не выбирала. Она уже родилась с этой кровью. Это кровь ее предков. Но ее сознание не хотело принимать эту кровь, ее сознание сопротивлялось этой крови. Крови, которая текла по ее венам. Понимаешь, мой потомственный поляк?

КШИШТОФ. Ну, если честно, еще нет...

УЛЬЯ. Кровь отделяет одного человека от другого. Кровь разделяет народы и противопоставляет культуры. Кровь замыкает человека в клетке его узкого мышления, и человек становится рабом своей крови и заложником своей нации. А главное, что внутренняя свобода человека входит в конфликт с его собственным телом.

КШИШТОФ. Значит кровь — это конфликт?

УЛЬЯ. Да, налицо конфликт: сознание против генов. Ум против крови! Как у Гамлета, правда? Мне кажется, что «Кровь» — это лучший мой роман! И лишь по совпадению моя героиня оказалась полькой. Она могла бы быть и испанкой или африканкой, но я сделала

ее полькой. Потому что я сама наполовину полька и потому что я не люблю свою кровь. А это ведь роман и обо мне.

КШИШТОФ. Но почему вас обвинили именно в антисемитизме? В чем проблема?

УЛЬЯ. Потому что кое-кто тут, в Нью-Йорке, решил потратить свое личное время на копание в чужом грязном белье. И ему, а точнее, им — потому что речь идет об определенной группе людей — удалось выяснить, что моя мать имела еврейскую кровь, ее дальние предки по женской линии действительно были евреями. Но поскольку родители моей матери рано умерли, то она воспитывалась в семье польских католиков, которые ее удочерили, и поэтому мать всегда считала себя только полькой. И конечно, когда пришли немцы, то ей тем более уже не имело смысла вспоминать о своих еврейских корнях, связь с которыми она и так не ощущала. Н-да.

Улья на несколько секунд задумывается.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Кажется, что Кшиштоф, как, впрочем, и многие другие люди на планете, не до конца понимает, о чем идет речь. Ведь право на «непонимание» дается каждому человеку во время его рождения, впрочем, как и право на то, чтобы когда-нибудь «все понять».

УЛЬЯ. Продолжаем, Кшиштоф. На чем мы остановились?

КШИШТОФ. На вашей матери.

УЛЬЯ. Ну и конечно, она боялась. А что тут странного? Все люди боятся. А разве вы нет?

КШИШТОФ. Ну конечно, я испытываю страх, но сейчас ведь речь не об этом.

УЛЬЯ. Вот именно, что об этом!

СТИВ. Простите, но я, как агент Улья, считаю, что вы должны сменить тему. Мне кажется, тут нарушаются некоторые наши предварительные договоренности, поэтому...

УЛЬЯ. Вот, например, Стив. Сейчас он так пересрался, что потерял всякое приличие и позволяет себе влезать в чужой разговор. Возьми себя в руки, Стив, и не мешай нам. Так чего вы больше всего боитесь, Кшиштоф?

КШИШТОФ. А разве сейчас речь обо мне?

УЛЬЯ. А о ком?

КШИШТОФ. Ну, мне кажется, что о вас.

УЛЬЯ. В диалоге речь всегда о двоих, дорогой мой. Я надеюсь, что у нас диалог, не так ли?

КШИШТОФ. Да, конечно. Разумеется! И все же я попросил бы вас еще немного поговорить об этом скандале.

Улья делает еще один глоток виски.

УЛЬЯ. Видишь ли, к сожалению, в каждой нации, и евреи не исключение, встречаются такие радикально настроенные представители, которые не позволяют никакой критики в адрес своей национальности, никакого юмора над своей кровью, ничего, кроме восхваления и слез. Я не антисемит, Кшиштоф. Я женщина, которая не любит свою кровь. А мой роман — это всего лишь мифическая реальность. Художественное произведение! Героиня моего романа — это не моя мать, это вымышленный персонаж. У моей героини не было еврейской крови, и она не выходила замуж за немецкого офицера, я создала ее полькой с совершенно другой судьбой. И к тому же действие моего романа, если вы его читали, разворачивается в 2008 году в Нью-Йорке. К чему тут аналогии с моей матерью и с моей личной жизнью? Когда я говорю, что это роман про меня, я имею в виду не факты, а

только это мучительное волнение, которое испытывает творец по поводу выбранной им темы. Вы меня понимаете?

КШИШТОФ. Я стараюсь.

УЛЬЯ. Сходство тут только в том, что во мне течет польская, немецкая и еврейская кровь. И я ее действительно не люблю. Но не национальность, а саму кровь, которая делает человека рабом своего рода. Теперь вам уже больше понятно?

КШИШТОФ. Честно говоря, я слегка запутался...

УЛЬЯ. Значит, наконец-то пришло время распутаться, дорогой мой!

СТИВ. Улья! Друзья! Натали! Кшиштоф! Мне кажется, мы должны сделать небольшой перерыв. Кшиштоф, не могли бы вы оставить нас на несколько минут.

УЛЬЯ. Замолчи, Стив. Это мое интервью. Здесь я решаю, когда объявлять перерыв. И ты, Натали, заткнись.

НАТАЛИ. Ну я ведь и так ничего не говорю.

УЛЬЯ. Но чувствую, что хотела бы сказать. Поэтому предупреждаю заранее — молчи. Это касается вас обоих — вам лучше молчать. Лучше для всех нас. Всем молчать. Кроме Кшиштофа, разумеется. И да! Еще кроме Майкла.

МАЙКЛ. Спасибо за доверие, Улья.

НАТАЛИ. Невероятно!

УЛЬЯ. Молчать! Если я сказала — молчать, значит, молчать!

Пауза.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. А когда Карла Фридрихгельма, работающего на нацистов, спросили, как быть с муками совести, которые не дают нам покоя? Он ответил — или твоя жизнь сладка, или она горька, вот и все.

КШИШТОФ. А почему вы не любите свою кровь?

УЛЬЯ. Вы читали мой роман, Кшиштоф?

КШИШТОФ. Да, конечно.

УЛЬЯ. Но он ведь именно об этом.

КШИШТОФ. Я прочел этот роман два раза подряд. И я считаю, что это абсолютно гениальный текст. Но именно на этот вопрос я и не нашел ответа. Я так и не понял, почему ваша героиня не любит свою кровь. Я увидел, какие она испытывает страдания, я ощутил ее конфликт, меня вывернуло наизнанку от того, в каком состоянии находится ее ум.

Какую нечеловеческую боль она испытывает, но... Но я так не понял — почему?

УЛЬЯ. Ты хорошо знаешь пьесу «Гамлет»?

КШИШТОФ. Ну не знаю, что в вашем понимании означает «хорошо», но мне кажется, что знаю неплохо.

УЛЬЯ. В чем там конфликт? Долг перед отцом и обязанность перед Богом, правильно?

Между долгом и Богом, да?

КШИШТОФ. Ну, наверное, да.

УЛЬЯ. Если он отомстит за отца, то согрешит против Бога, а если послушается Бога, то не выполнит волю отца. «Долг рода» и «обязанности перед космосом», что-то в этом роде. Ты меня понимаешь, Кшиштоф?

КШИШТОФ. Теперь уже намного больше. Но все же мой вопрос «почему?» еще остается без ответа.

Пауза.

УЛЬЯ. Потому что я всегда знала, что я где-то внутри.

Пауза.

УЛЬЯ. Потому что я всегда знала, что я совсем не та, за которую меня все тут принимают с самого моего детства, я нечто совсем другое, я где-то там — далеко, далеко внутри.

Улья делает глоток виски.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Сейчас Майкл думает, что внешне Натали похожа на ту самую женщину, о которой он мечтал всю жизнь.

КШИШТОФ. Хорошо, тогда перейдем к вашей последней книге, в ней вы впервые в своей писательской карьере пишете о Польше, почему?

УЛЬЯ. Потому что мой литературный агент Стив и моя дочь Натали заставили меня это сделать.

КШИШТОФ. Простите?

УЛЬЯ. Я уже давно должна была получить Нобелевскую премию, и Стив очень много сделал для этого. И вот мой последний роман, который вначале был принят критиками как абсолютно гениальный, вдруг — в определенных кругах, определенными людьми — был назван антисемитским. И меня выбросили из шорт-листа номинантов на «Нобеля». А поскольку Стиву и Натали очень важно, чтобы я получила Нобелевскую премию, ведь это напрямую связано с их карьерой, так как они оба работают на меня, вот поэтому они и заставили меня написать этот чудовищный, насквозь фальшивый роман о Польше, с удивительно мерзким названием «Жертва».

КШИШТОФ. Простите, что значит заставили?

СТИВ. Стоп, Улья! Я должен вмешаться.

УЛЬЯ. Ты должен молчать, Стив.

СТИВ. Нет, я не буду молчать, Улья. Потому что я твой агент. Потому что ты — это моя работа. И потому что каждое неверное сказанное тобою слово будет использовано против тебя! Я вижу, что ты совершаешь чудовищную ошибку, и я не буду молчать.

НАТАЛИ. Я тоже не буду молчать, мама. Потому что под ударом находится твоя карьера и жизнь в обществе.

СТИВ. Мы просим прощения, Кшиштоф, но ты нарушил все наши предварительные договоренности.

НАТАЛИ. И, к сожалению, мы вынуждены прекратить это интервью.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Сейчас Майкл думает, что он первый раз в жизни встречается женщину, которой так идет раздражение и гнев. «Она прекрасна всем своим телом и всеми этими причудливыми, гневными звуками, которые издает это тело», — думает Майкл.

НАТАЛИ. Как менеджер и как юрист Ульи Рихте, я считаю, что мы должны остановиться.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. «Как она прекрасна!» — думает Майкл, но вслух он произносит что-то совсем другое.

МАЙКЛ. Простите, что вмешиваюсь, но мне кажется, что Улья имеет право говорить все, что ей хочется. Это ведь ее интервью. Каждый человек на этой планете имеет право быть услышанным.

СТИВ. Замолчи, Майкл. Прошу тебя, не лезь в то, о чем не имеешь ни малейшего понятия!

УЛЬЯ. Я требую, чтобы наступила тишина.

НАТАЛИ. Мама, я прошу тебя, услышь нас!

УЛЬЯ. Я требую, чтобы наступила тишина. Ок?

Наступает тишина.

УЛЬЯ. Стив, Натали. Послушайте, что я вам скажу. Сейчас вы находитесь на работе, не так ли? Потому что вы работаете на меня. Ты, Стив, работаешь на меня моим литературным агентом, а ты, Натали, работаешь на меня моим менеджером и юристом. Я права? Да, я права. Поэтому предупреждаю вас в последний раз: тот, кто посмеет влезть в нашу беседу и попытается прервать ее, будет немедленно уволен. Уволен! И ему придется покинуть эту комнату. Я говорю абсолютно серьезно, мои дорогие. Именно так я и поступлю — уволю вас немедленно и продолжу давать это интервью. Надеюсь, вам все ясно? Ок?

Пауза.

Улья допивает виски в своем бокале.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Однажды старшая сестра Кшиштофа Марта, придя домой со школы очень усталой и в не очень хорошем настроении, внезапно задала Кшиштофу весьма необычный вопрос: тебе бывает стыдно за то, что ты поляк? И Кшиштоф, которому на тот момент было тринадцать лет, неожиданно для самого себя ответил: каждую секунду моей жизни.

УЛЬЯ. Прошу вас, налейте мне еще немного виски.

НАТАЛИ. Прости, но я не стану этого делать, можешь меня уволить.

СТИВ. Я налью, Улья.

Стив встает, подходит к столику у дивана, берет пустой бокал и идет к полке со спиртным.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Последний раз так плохо Стив чувствовал себя три года назад после того, как ему не очень удачно вырезали геморрой.

Стив наливает в бокал виски.

УЛЬЯ. Давайте продолжим, Кшиштоф. Мне кажется, мы остановились на том, как маленькая девочка падает вверх?

КШИШТОФ. Простите?

УЛЬЯ. Итак, маленькая девочка делает сознательный шаг и падает вверх, чтобы научиться любить.

КШИШТОФ. Боюсь, что я не до конца вас понимаю, Улья. О чем вы?

УЛЬЯ. О том, что для того, чтобы по-настоящему любить, нужно отовсюду уйти.

Стив приносит бокал с виски, ставит перед Ульей и возвращается на свое место за журнальным столиком.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Впрочем, когда несколько лет назад Стиву не очень удачно вырезали геморрой, он все же чувствовал себя гораздо лучше, чем сейчас.

УЛЬЯ. С самого раннего детства я всегда чувствовала, что я должна уйти.

КШИШТОФ. Уйти?

УЛЬЯ. Уйти из всего того, что ошибочно принято считать мной. Перестать быть той, кому навязали образ самой себя. Уйти из своего рода, из своего языка, из своей культуры, из своего народа, из своей крови, из своей кожи, из своего тела, из всего, что на самом деле никогда не являлось мной. Потому что я никто.

КШИШТОФ. Улья, вы это серьезно?

УЛЬЯ. Абсолютно. Я еще никогда и никому об этом не говорила. Все мои интервью — это сплошное притворство. Только мои книги — это правда. Кроме, разумеется, последней. Но вот сейчас я захотела об этом рассказать. И я говорю. Я никто.

Пауза.

Улья делает глоток виски.

КШИШТОФ. Несколько минут назад вы сказали, что написать роман о Польше вас заставили ваша дочь и ваш литературный агент. Не могли бы вы это объяснить?

СТИВ (*умоляющим голосом*). Улья!

УЛЬЯ. Уволю.

СТИВ. Ну тогда я, пожалуй, тоже что-нибудь выпью.

Стив идет к полке со спиртным, наливает себе виски.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Когда во время Нюрнбергского судебного процесса над фашистами одного из офицеров, служившего в концлагере Аушвиц, спросили, что он чувствовал, когда отправлял в печь еврейских детей, он, немного странно отведя взгляд в сторону, ответил, что он чувствовал — невыносимое волнение.

УЛЬЯ. Они сказали, что если я не напишу этот роман, то ни одно издательство не станет больше со мной сотрудничать. Потому что слухи о моем антисемитизме растут как снежный ком. Поэтому мы и выбрали тему: Польша, Вторая мировая война, еврейское гетто в Кракове и, конечно, Аушвиц. Я ненавижу все эти темы, потому что чаще всего о них говорят те, кто через это не прошел. Поэтому, когда я писала этот чудовищный роман, я все время плакала и блевала. И еще я нюхала кокаин и пила виски. Выпила литры виски и вынюхала килограмм кокаина. Но я сделала это, я написала этот текст. И вот мой роман выходит в продажу по всему миру, ну и, главное, конечно, в Польше. И теперь кое-кому тут, в Нью-Йорке, придется заткнуться и съесть свое собственное говно. Ха-ха-ха.

Улья очень искренне и зловеще хохочет.

КШИШТОФ. Знаете, на мой взгляд, этот ваш последний роман не такой уж и плохой. Возможно, он не такой многогранный, как, скажем, ваш предпоследний роман «Кровь», но все же сквозь текст, как бы это сказать... — просачиваются ваши чувства, в нем, как и во всех ваших книгах, отчетливо видны вы.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Больше всего Кшиштоф и его возлюбленный Оливер любят лежать обнявшись и смотреть американский сериал, попивая просекко из узких бокалов на длинных ножках. Самым любимым сериалом на сегодняшний день для них является «Breaking Bad».

УЛЬЯ. В каком-то смысле я имею право писать об этом, ведь я ребенок, родившийся во время войны, хоть и в семье «отца-оккупанта» и «матери-предателя». Но, знаете, после того, как война закончилась, мне пришлось пережить довольно тяжелые годы. Отца и мать отправили в лагерь. Я воспитывалась у своих дальних родственников, которых ненавидела, впрочем, это неважно. А важно вот что! Когда много-много лет спустя я спросила у своего отца, который вернулся из лагеря, — что ты чувствовал тогда, в 42-м, когда встретил мою мать и уговорил ее стать своей женой и предателем своего народа? И знаешь, что он ответил?

КШИШТОФ. Конечно, я не знаю.

УЛЬЯ. Он сказал, что чувствовал необъяснимое волнение — вот так вот, Кшиштоф. Вот так вот.

Улья допивает виски.

НАТАЛИ. Стив, налей мне немного виски, ладно?

СТИВ. Разумеется.

Стив наливает виски себе и в еще один бокал, подносит бокал с виски Натали.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Однажды выдающегося английского комика Тони Голдмана спросили, можно ли шутить на тему о холокосте? Шутить можно, — ответил Тони Голдман, — но смеяться нельзя.

Стив и Натали выпивают виски.

СТИВ. Кшиштоф, я, как литературный агент Ульи, считаю, что нам нужно прекратить это интервью.

УЛЬЯ. Ты уволен, Стив.

НАТАЛИ. Мы готовы предложить тебе, Кшиштоф, хорошую финансовую компенсацию за потраченное тобою время и нервы.

УЛЬЯ. Ты тоже уволена, Натали. Продолжаем разговор, Кшиштоф.

СТИВ. К тому же главный редактор New Yorker Харди Уилсон мой хороший приятель, я готов позвонить ему и поговорить с ним о тебе.

НАТАЛИ. Он друг нашей семьи, и наша рекомендация может сыграть ключевую роль в развитии твоей карьеры в Нью-Йорке, если тебе это интересно.

УЛЬЯ. Что тут делают посторонние люди? Стив, Натали, вы больше на меня не работаете, покиньте, пожалуйста, эту комнату.

СТИВ. Прости, Улья, но я слишком предан тебе, чтобы сейчас уйти. Я останусь здесь, потому что я люблю тебя.

НАТАЛИ. Я тоже не уйду, мама, потому что не могу оставить тебя в беде. Ты ведь сейчас в беде, мама.

СТИВ. Да, Улья, ты в беде.

УЛЬЯ. Хорошо, силой я вас не выведу, конечно. Можете сидеть себе тут и бухать мой виски. Но вмешиваться в мой разговор с журналистом вы не имеете права. Я все равно

дам это интервью, хотите вы этого или нет. И если вы помешаете мне сделать это здесь и сейчас, то мы с Кшиштофом встретимся в каком-то другом месте завтра. Позвольте-ка мне самой решать — когда мне открывать мой рот, а когда закрывать. Я права, Майкл?

МАЙКЛ. Абсолютно. Каждый человек имеет право открывать и закрывать свой рот, когда захочет. Но только не следует забывать, Уля, что журналисты чаще всего используют наши слова для создания провокации — только для того, чтобы вызвать интерес у читателей, и им по большому счету плевать на того, с кем они говорят. Им главное — скандал. Ничего личного, Кшиштоф, просто фраза в сторону.

СТИВ. Спасибо, Майкл.

УЛЯ. Кшиштоф не такой, правда, Кшиштоф? Он милый мальчик. К тому же он поляк, а все поляки наивные и провинциальные малыши. К тому же он гей и понимает, что это такое — «быть другим». Ты же не изменяешь своему партнеру, Кшиштоф?

КШИШТОФ. Нет. Я люблю его.

УЛЯ. Я верю этому польскому малышу, он не врет. Разумеется, он думает о своей карьере, как и все мы, но Кшиштоф, как всякий провинциал, ставит профессиональный долг выше любых рациональных решений. Продолжаем, Кшиштоф.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Когда цветок распускается, он высылает в мир сигнал о том, что теперь он готов. Готов ко всему.

КШИШТОФ. Не могли бы вы немного рассказать о своем отце? Что это был за человек?

УЛЯ. В целом он был хорошим человеком, разумеется, со своими недостатками, как и все мы. Но главное качество, которое лично мне в нем больше всего нравилось, — это его способность любить женщин. Когда его выпустили из лагеря и отправили жить на поселение в небольшую сибирскую деревню, то даже там за восемь лет своего проживания мой отец умудрился сменить трех русских женщин, хотя формально он был женат на моей матери. Три женщины! Одну за другой. Да, что уж говорить, — он любил женщин. И — о да! Он был непостоянен, ничего с этим не поделаешь. В этом виноваты его гены и воспитание. Зато он до самой старости был в прекрасной физической форме, был красив, остроумен, полон жизненной энергии. Но главное, что он был решителен. Таких мужчин теперь встретишь не часто. Вот, например, наш Майкл.

Майкл направляет на Улью камеру и делает несколько снимков.

УЛЯ. Майкл красив, кажется, что остроумен, возможно, полон жизненной энергии, но абсолютно не решителен. Ты женат, Майкл?

МАЙКЛ. Нет, и никогда не был.

УЛЯ. А почему?

МАЙКЛ. Скорее всего, потому что я нерешителен, Уля.

УЛЯ. Но зато он может посмеяться над собой. Знаете, я вообще считаю, что мужчина должен обладать тремя главными качествами: добротой, решительностью и умением посмеяться над собой. Причем последнее качество важнее первых двух, поскольку если мужчина не шутит и не смеется над собой, то он просто закомплексованный тиранчик. Маленький такой, знаете ли, тиранчик-тараканчик, который, однако, способен затиранизировать всех вокруг, а если уж такой тараканчик дорвется до большой власти, то тут уж просто беда — он будет заставлять всех почитать и восхвалять его, потому что где-то внутри себя он испытывает огромную неуверенность и страх. Но слава богу, что наш Майкл совсем не такой.

МАЙКЛ. Спасибо, Уля.

УЛЬЯ. Просто ты мне нравишься, милый.

СТИВ. Послушайте, у меня есть предложение.

УЛЬЯ. Посторонние люди, находящиеся в этой комнате, не имеют права прерывать наш разговор.

СТИВ. И тем не менее. А не переместиться ли нам прямо сейчас в замечательный ресторанчик тут неподалеку?

НАТАЛИ. Имеешь в виду «Сингапурский рыбак»?

СТИВ. Или в «Лоуренс». Там у них феноменальная карта вин.

НАТАЛИ. А я попробую дозвониться до редактора «Нью-Йоркера» Харди Уилсона, и, может быть, он тоже к нам присоединится. Было бы неплохо познакомить его с Кшиштофом.

УЛЬЯ. Таким образом, они пытаются сорвать наше интервью, Кшиштоф. Не поддавайся. И, кстати, Харди Уилсон прежде всего мой друг, а не их. Я сама могу ему позвонить и замолвить за тебя словечко. Если, конечно, ты все сделаешь правильно, Кшиштоф.

Договорились?

КШИШТОФ. А что значит «правильно»?

УЛЬЯ. Правильно всегда означает — точно. Тебе понятно?

КШИШТОФ. Думаю, что да.

УЛЬЯ. Тогда продолжим. Следующий вопрос.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Возможность познакомиться с главным редактором журнала New Yorker не на шутку взволновала Кшиштофа, ведь, как уже было сказано раньше, Кшиштоф мечтает о том, чтобы сделать карьеру журналиста в Нью-Йорке.

КШИШТОФ. Мне показалось, что вы достаточно тепло отзываетесь о своем отце. Значит, вы не считаете его «злодеем», вынудившим вашу мать изменить своему народу и, собственно говоря, сломавшим всю ее жизнь?

УЛЬЯ. Станный вопрос! Но ведь если бы он этого не сделал, то я бы не появилась на свет. Мои читали бы не читали моих книг, моя дочь Натали не была такой красоткой с приличным наследством от ее богатого отца, Стив не разбогател бы на процентах от моих миллионных тиражей, а ты, мой милый поляк, не получил такого шанса вырваться из своего «пенькного края» в большой взрослый мир Нью-Йорка, о котором ты мечтаешь с тех пор, как поступил на факультет журналистики в Ягеллонский университет в Кракове. Так что никому из здесь присутствующих, включая Майкла, нет смысла в чем-то упрекать моего отца.

СТИВ. Боже мой, Улья, остановись же!

НАТАЛИ. Надеюсь, ты понимаешь, что это не всерьез, Кшиштоф. Она просто играет на твоих нервах, это ее стиль.

УЛЬЯ. Ну что, ты придешь ко мне на урок уверенности, Майкл?

МАЙКЛ. Не уверен.

УЛЬЯ. Шутник.

Майкл фотографирует Ульяю.

КШИШТОФ. Откуда вы знаете, что я учился в Кракове?

УЛЬЯ. Я готовилась к нашей встрече, мой милый. Я даже навела справки о твоих родителях. Отца твоего звали Збигнев Зелинский, и он два года назад покончил с собой, возможно, из-за того, что он не смог пережить твоей сексуальной ориентации, ведь он был полковником Польской армии в отставке, патриотом и гомофобом, а возможно, он

сделал это, потому что узнал, что у него рак легких. А твоя мать Катажина с девичьей фамилией Дымковска вот уже много лет как страдает болезнью Альцгеймера. Кстати, в каком она сейчас состоянии, ей хуже?

КШИШТОФ. Я не понимаю, о чем вы говорите, Уля?! Мой отец до сих пор жив, и он никогда не был военным. Он профессор того самого Ягеллонского университета, в котором я учился. А моя мать погибла десять лет назад в автокатастрофе, она была абсолютно здорова, просто несчастный случай.

УЛЯ. Да, я, конечно, знаю об этом. Просто я снова позволила себе немного позаниматься творчеством! И поверь, мне действительно очень жаль твою маму, Кшиштоф. Я ведь знаю, что это такое — потерять родителей. И знаю, что это такое, когда твоя мать погибает в автокатастрофе. Когда моя мать вышла из лагеря и вернулась в Польшу, то первым делом она напилась до потери ориентации, села за руль автомобиля и, проехав несколько километров на огромной скорости, врезалась в дерево, стоящее у дороги. Видимо, она не смогла пережить своего предательства. Так что я тебя понимаю, мой милый, дорогой, изувеченный жизнью польский гражданин. Ты заслуживаешь жизни в Нью-Йорке, и я позабочусь о тебе, если, конечно, ты, согласно нашему договору, все сделаешь правильно. А правильно — это всегда означает «точно», ты помнишь, Кшиштоф?

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Когда одного христианского мистика и святого спросили, какие главные слова Господь произносит человечеству устами своих святых? То святой, не задумываясь, ответил, что Господь устами своих святых всегда молчит.

НАТАЛИ. Послушайте, Кшиштоф. Умоляю вас прекратить это интервью. Вы ее не знаете. Перед вами гениальный и, к сожалению, очень сложный человек. Вы сейчас понятия не имеете, что на самом деле происходит. Она вас использует. Это интервью будет стоить вам вашей журналистской карьеры, я вас уверяю.

УЛЯ. Чепуха, Кшиштоф! Она тебя запугивает, чтобы вся эта грязь не вылилась наружу, поскольку это угрожает нашему семейному бизнесу. Не поддавайся на провокации, делай свое дело и получишь отличный результат.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Когда во время Нюрнбергского процесса одного из немецких генералов спросили, чувствовал ли он хоть какое-то волнение из-за того, что ему приходилось отдавать приказы, которые привели к гибели миллионов людей? Он ответил... Впрочем, сейчас это уже неважно. Извините.

УЛЯ. Задавайте ваш вопрос, Кшиштоф?

КШИШТОФ. Я не знал, что ваша мать покончила жизнь самоубийством, я читал, что она дожила до восьмидесяти с чем-то лет и умерла в доме престарелых под Варшавой.

Пауза.

УЛЯ. Так оно и есть. Про самоубийство я сказала только потому, что хотела поддержать тебя в твоём горе, малыш. Это опять мое творчество! Конечно, моей матери не хватило смелости это сделать, и она развалилась на куски от старости и антидепрессантов. Но я вижу, ты хорошо обо мне осведомлен.

КШИШТОФ. Я готовился к нашей встрече.

УЛЯ. Я тоже, мой милый. Следующий вопрос.

НАТАЛИ. Осторожней, Кшиштоф. Я знаю свою мать, она что-то задумала, это очевидно!

УЛЬЯ. Послушайте, если вы будете влезать в наш разговор, я перенесу это интервью в другое место. И вас там точно уже не будет! Простите их, Кшиштоф, на самом деле они переживают только за себя. Продолжаем.

СТИВ. И к тому же год назад Улья смертельно посралась с Харди Уилсоном, из-за того что он отказался печатать ее статью экстремистского содержания. Так что она не позвонит ему и не поможет тебе устроиться в New Yorker, она блефует. А мы с Натали реально это сделаем, даю слово.

УЛЬЯ. Ха! Да, мы в ссоре с Харди, ну и что же?! Но если я сейчас позвоню ему, он описается от радости, что я его простила, и на коленях приползет в тот ресторан, на который я укажу пальцем. Продолжаем, Кшиштоф.

НАТАЛИ. Это блеф, Кшиштоф! Уилсон даже не возьмет трубку, увидев, что это звонок от нее. Потому что, когда он отказался напечатать ее статью, она публично назвала его злобным расистом, притесняющим права людей другого цвета кожи и мешающим им высказывать свое мнение о главных проблемах человечества.

КШИШТОФ. Но ведь, насколько я знаю, Харди Уилсон чернокожий.

СТИВ. Вот именно! Но она обвинила его в расизме по отношению к белым. То есть к ней. Потому что в ее статье, в частности, говорилось и о том, что «следующий шаг к свободе, который должно сделать человечество, — это позволить себе высмеивать расы, цвета кожи, национальности и патриотизм».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Однажды одного индийского святого спросили — к чему ведут все духовные пути всех религий на земле? И он, не задумываясь, ответил: все духовные пути ведут к тому одиноко растущему у дороги дереву, в которое на машине так и не врезалась пьяная матушка писательницы Ульи Рихте.

УЛЬЯ. Продолжаем, Кшиштоф. Не хочешь спросить меня о моих любовниках?

КШИШТОФ. Честно говоря, я не думал заходить на эту территорию.

УЛЬЯ. Но я тебе разрешаю. Итак?

КШИШТОФ. Итак?

УЛЬЯ. Ты, наверное, слышал, как обо мне говорят, — что я люблю молодых мальчиков?

КШИШТОФ. Ну я, вообще-то, не доверяю желтой прессе и сплетням.

УЛЬЯ. Так вот, это правда. Через полгода после того, как умер мой муж Дэвид Блуменштайн, я позволила себе все то, о чем мечтала. А мечтала я о красоте, уверенности, силе, и при этом о наивности, смелости, глупости и радости, словом, о молодости! С этих пор моими любовниками всегда были молодые мужчины до тридцати лет. Конечно, приходится признать, что так называемая любовь всех этих мальчиков ко мне исчезала в тот момент, когда они либо чего-то добивались, либо, наоборот, опускали руки, и в том и в другом случае я была им больше не нужна. Ха-ха! А сколько лет тебе, Майкл?

МАЙКЛ. Тридцать семь.

УЛЬЯ. Пожалуй что, для меня ты староват. Но я вижу, ты поглядываешь на мою красавицу дочь?

МАЙКЛ. Признаюсь, я хотел бы ее поснимать у себя в студии, с правильным светом. Уверен, может получиться что-то очень серьезное. Возможно, эти снимки я мог бы выставить на своей персональной выставке в следующем году. Разгневанная красавица! Неотразимая, ужасная, недоступная и притягивающая к себе как магнит.

УЛЬЯ. Натали роскошная женщина, хоть и сука. Но в твоих руках она, возможно, расцветет как весенний сука-цветок. А, Майкл?

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. В начале мая в предгорье Альп всегда чувствуется редкий и пьянящий запах. Это время, когда в долине расцветает сука-цветок.

МАЙКЛ. У тебя красивая дочь, Уля. Поэтому я готов рискнуть.

УЛЯ. Просто будь более решительным, Натали из тех женщин, которым нравится, когда ее хватают грязными ручищами за волосы и тащат в кусты.

НАТАЛИ. Боже мой, мама! Неужели тебе не стыдно?!

УЛЯ. Нет. На чем мы остановились, Кшиштоф? Кажется, на моей любви к молодым мужчинам, не так ли?

КШИШТОФ. Скажите, а почему вы решили об этом поговорить? Вы считаете, что тут в вашей жизни что-то идет не так?

УЛЯ. Коварный журналист! Научился брать интервью так, чтобы все обострять! Нет, мой милый, все у меня с этим в порядке, кроме, пожалуй, одного — в этом во всем никогда не было никакой любви. Ни один из этих мальчиков меня не любил, но, если честно, то и я никогда не испытывала ничего серьезного ни к одному из них.

НАТАЛИ. Кроме Милана.

Пауза.

КШИШТОФ. А кто это, Милан?

НАТАЛИ. Он покончил с собой после того, как они с Улей съели по солидной порции ЛСД. Выбросился из окна, в то время как Уля ждала его в ванне, наполненной водой и пеной. Разве ты не любила его по-настоящему? Нам всем казалось, что это была любовь? Во всяком случае, после его смерти ты целый год не могла прийти в себя! Даже когда умер отец, ты так не сокрушалась и уже через полгода после его похорон завела роман с каким-то смазливym сопляком, а после гибели Милана у тебя больше уже не было ни одного романа и ты до сих пор одна. Да и его фотография по-прежнему висит у тебя в спальне.

Пауза.

УЛЯ. Сейчас я должна пописать, Кшиштоф. Через несколько минут я вернусь, и мы продолжим этот увлекательный разговор.

Уля встает и идет к двери. Останавливается в дверях.

УЛЯ. Ты знаешь, что такое любовь, Кшиштоф?

КШИШТОФ. Ну, на эту тему много чего сказано, так что трудно добавить что-нибудь новое.

УЛЯ. Всегда можно добавить что-нибудь новое, если каждую секунду жить новой жизнью. Любовь — это волнение, малыш, подумай об этом, пока меня не будет. Ок?

Уля выходит из комнаты.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Когда одного мудрого раввина спросили — что такое любовь? Он, закрыв глаза, медленно произнес: любовь — это волнение. И, немного помолчав, добавил — волнение Творца, который волнуется за всех нас в каждом из нас.

СТИВ. Послушай, Кшиштоф, надеюсь, ты понимаешь, что это интервью не может выйти?! Ради Ули, ради ее творчества, нельзя опубликовать весь этот бред!

НАТАЛИ. Это все равно что убить ее!

СТИВ. Тем более сейчас, когда она снова в блистательной форме. Когда она, кажется, начала писать новый роман. И когда появился шанс снова попробовать получить Нобелевскую премию!

НАТАЛИ. Тем более то, что она тут тебе говорит, — это на 80% просто бред. Она ведь специально утрирует факты и подает их с вульгарной интонацией, чтобы вывести тебя из равновесия.

КШИШТОФ. Но для чего?!

НАТАЛИ. Чтобы, когда ты будешь измотан и потеряешь контроль, постепенно подвести тебя к ее главному сообщению.

КШИШТОФ. Главному сообщению?

СТИВ. Послушай, Кшиштоф, я работаю с Ульей уже пятнадцать лет. И я знаю, что она терпеть не может давать интервью. Ее просто не заставишь этого сделать. А если уж она и соглашается, то журналист каждое слово вытягивает из нее клещами. Она никогда и ни с кем так не разговаривает, как с тобой. Значит, ей это стало очень нужным. У нее есть какой-то план.

КШИШТОФ. Но что ей нужно?

НАТАЛИ. Что-то, что она хочет сообщить миру через тебя. Какую-то свою невероятную идею!

МАЙКЛ. А что в этом плохого, что человек хочет сообщить миру какую-то свою невероятную идею?

НАТАЛИ. А то, что писатель и так делает это в каждом своем произведении, зачем привлекать сюда еще и прессу? Говори своим творчеством.

МАЙКЛ. А может, ей важно высказаться именно от себя лично, а не через искусство?

СТИВ. Послушай, Майкл, это тебя не касается. Ты фотограф! Кшиштоф, дорогой мой, у нас мало времени, она сейчас вернется! Кшиштоф, ты должен нас услышать и нам поверить. Если ты действительно хочешь, чтобы все было хорошо и для Ульи, и для тебя, нужно решиться на радикальный шаг.

НАТАЛИ. Поверь, Кшиштоф, это интервью разрушит не только ее карьеру, но и тебе оно не принесет пользы.

СТИВ. Во всяком случае о Нью-Йорке придется забыть, дорогой мой! Тут не любят проницательных журналистов из маленьких провинциальных стран, сующих свой нос в жизни серьезных людей из большого мира. Этот мир могут строить и разрушать только те, в чьих он руках.

НАТАЛИ. Американцы владеют планетой, а не какой-то там поляк.

СТИВ. Но, с другой стороны, американец — это не национальность, правда, Нэт?

Американец — это всего лишь разрешение на работу, это грин-кард, это карьера в США, не так ли?

НАТАЛИ. Именно так!

СТИВ. И тогда уже говори, что хочешь. Получи разрешение на работу в США и открывай рот. Стирай с лица земли, уничтожай, выискивай псевдоправду, выворачивай грязное белье, разрушай чужую жизнь, но для начала получи работу в издании, которое имеет право на все эти отвратительные пакости!

НАТАЛИ. Вот почему мы — начиная уже с завтрашнего дня — организуем тебе несколько встреч с очень серьезными людьми.

СТИВ. Не только с New Yorker и New York Times, но и еще с серьезными интернет-порталами, которые сегодня читает весь мир. Мы всех тут знаем, и — что самое главное — тут все знают нас!

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Кшиштоф мечтал о работе в Нью-Йорке не только потому, что это главный город мира, и не только потому, что тут хорошо платят и есть возможности для собственного развития, но прежде всего потому, что он хотел бы выбраться из своей страны, так как в последнее время в Польше таким, как он, стало трудно дышать. И дело тут не только в его сексуальной ориентации, а скорее, в общей системе либеральных ценностей, которую он разделяет. Рассвет национального патриотизма и политического католицизма не позволяет таким, как он, проявлять себя так, как проявляет себя сумасшедший цветок, когда приходит его сумасшедшее время цвести.

КШИШТОФ. Ну хорошо, и что же, по-вашему, я должен сделать?

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Когда во время суда над католическим священником педофилом его спросили, не боялся ли он Бога в тот момент, когда принуждал маленьких мальчиков заниматься с ним сексом, — он ответил, что испытывал нечто гораздо большее, чем обычный страх. А когда его попросили описать те чувства, которые он испытывал, он ответил, что все эти чувства можно было бы описать одним словом, и это слово...

Пауза.

СТИВ. Во-первых, как можно скорее, прямо сейчас, сотри все, что ты записал на свой диктофон и свой айфон. Это во-первых. Давай.

КШИШТОФ. А во-вторых?

СТИВ. А во-вторых, не включай свой диктофон и свой айфон, после того как она вернется и вы продолжите. Просто положи их перед ней и продолжай говорить с ней, только делая вид, что ты все записываешь. Поиграй в это интервью. Послушай ее. Дай ей высказаться. Потерпи ее немного. А потом все это останется только в твоей и нашей памяти и не пойдет никуда дальше. Поспеши, Кшиштоф, она может войти с секунду на секунду.

КШИШТОФ. Но я не могу!

СТИВ. Ты можешь, Кшиштоф! Можешь, если захочешь!

НАТАЛИ. Тем более что мы все равно сделаем все возможное, чтобы это интервью не вышло. Мы найдем способ это остановить, поверь мне.

СТИВ. Ни одно польское издательство не захочет входить с нами в конфликт!

НАТАЛИ. И учти, мы все свалим на тебя!

СТИВ. Сейчас твоя карьера зависит от твоего решения. Ну же, Кшиштоф!

КШИШТОФ. Господи Иисусе, прости меня! Ладно, я согласен!

Кшиштоф начинает уничтожать файлы на диктофоне и айфоне.

МАЙКЛ. Эй, эй, подождите-ка! А как в этом случае быть со мной? Я не позволю вам выбросить мою работу на помойку и не позволю издеваться над выдающейся женщиной.

СТИВ. Мы оплатим твой труд, Майкл. И плюс премиальные в качестве компенсации за причиненные неудобства! К тому же мы выкупим твои фото у польского издания и отдадим их тебе. У тебя будут эксклюзивные права на фото Ульи Рихте в ее доме, ты сможешь их хорошо продать.

МАЙКЛ. В обмен на ложь?

НАТАЛИ. В обмен на спасение от гибели великого человека.

СТИВ. Поскорей, Кшиштоф, она сейчас войдет.

КШИШТОФ. Готово! Я все стер!

СТИВ. Спасибо, Кшиштоф. Мы в долгу не останемся. Однако — не подумай, что я тебе не доверяю, — но все же я бы хотел убедиться, что этих файлов действительно нет. Покажи мне.

КШИШТОФ. Я правда все стер.

СТИВ. Я тебе верю, но тем не менее.

Кшиштоф показывает Стиву все свои файлы на айфоне и на диктофоне.

МАЙКЛ. Но это же жестоко, разве нет?! А может, ей и правда хочется рассказать о себе нечто очень важное?!

НАТАЛИ. Перестань, Майкл. Ты ее не знаешь, а мы знаем очень хорошо. Ей нечего сказать, кроме того, о чем она и так говорит в своих книгах. За границами искусства ей сказать нечего, поверь.

Стив отдает Кшиштофу его диктофон и айфон.

СТИВ. Дело сделано! Спасибо, Кшиштоф.

Пауза.

МАЙКЛ. Ну хорошо, а тебе есть, что сказать?

НАТАЛИ. Что-что?

МАЙКЛ. Тебе есть, что сказать миру через что угодно? Через тело, через характер, через любовные отношения?

НАТАЛИ. Ты что, меня клеишь, Майкл?

МАЙКЛ. И это тоже. Но я действительно хочу понять, в чем твой смысл. Вот так, вот смотрю на тебя — красивая, сильная женщина. Но в чем твой смысл?

НАТАЛИ. А в чем твой смысл?

МАЙКЛ. В том, чтобы фиксировать необычное, нестандартное, небанальное, чтобы останавливать момент и показывать его людям.

НАТАЛИ. Ну хорошо, значит, ты знаешь, для чего живешь, а я вот все еще нет. Несмотря на то, что мне уже тридцать три.

МАЙКЛ. Тебе тридцать три? Выглядишь ты на тридцать два!

НАТАЛИ. Ты что, правда меня клеишь, Майкл?

МАЙКЛ. Правда.

НАТАЛИ. Но зачем?!

МАЙКЛ. Потому что я первый раз в жизни встречаю женщину, которой так идут гнев, раздражительность, интриги и все отвратительные качества! Восхитительный, очаровательный сука-цветок!

НАТАЛИ. А ты типичный самовлюбленный фотограф из Нью-Йорка. Думаешь, что любая женщина, которой ты помашешь своей фотокамерой, тут же бросится к тебе делать минет?

МАЙКЛ. Хэй, послушай, мне нужно от тебя совсем другое.

НАТАЛИ. И что же тогда?

МАЙКЛ. Я бы хотел сделать с тобой фотосессию. Ты придешь ко мне в студию, и я снимаю тебя несколько часов, договорились?

НАТАЛИ. У меня нет желания быть моделью.

МАЙКЛ. Это мое условие в обмен на то, что я подключусь к вашей игре против Ульи и не расскажу ей о том, как вы собираетесь с ней поступить.

НАТАЛИ. Так это шантаж?!

МАЙКЛ. Да, это шантаж. Причем у тебя мало времени на раздумье, когда Улья войдет, будет уже поздно.

НАТАЛИ. Стив, ты слышал?

СТИВ. Слышал. Нужно соглашаться, Натали, мы у него в руках.

Входит Улья.

УЛЬЯ. Ну, вот и снова я! Боюсь, что вам придется перестать обсуждать меня за глаза.

Улья идет на свое место на диване.

МАЙКЛ (*обращаясь к Натали*). Ну так да? Или я сделаю так, как и сказал?

НАТАЛИ. Да! Да!

МАЙКЛ. Ты не пожалеешь.

НАТАЛИ. Посмотрим.

УЛЬЯ. Я уверена, Кшиштоф, что они обрабатывали тебя изо всех сил. Обещали карьеру в Нью-Йорке и пугали уничтожением твоей карьеры на всем земном шаре, если ты не примешь их условия. Но я надеюсь, ты амбициозный малыш и не поддался дешевым американским трюкам. А чем в это время занималась я, угадайте-ка? Думаю, вряд ли у вас получится, потому что вы не верите в такую вещь, как прощение. Поэтому вы никогда не просите прощения и не умеете прощать, а я верю в прощение, я прошу прощения и прощаю. Так вот, только что я разговаривала с Харди Уилсоном по телефону. Я попросила у него прощения, и он не только меня простил, но, как я и предполагала, почти что в слезах сам весьма сожалел о случившемся между нами. Завтра мы вместе обедаем. Я, Харди, Кшиштоф и ты, Майкл, если, конечно, тебе это интересно.

НАТАЛИ. А мы, естественно, не приглашены?

УЛЬЯ. Естественно, нет.

СТИВ. Ты правда помирилась с Харди, Улья?

УЛЬЯ. Клянусь здоровьем твоей матери Стив.

НАТАЛИ. Мама! Опомнись, что ты несешь, у матери Стива рак!

УЛЬЯ. Поэтому я и поклялась ее здоровьем, ведь такими вещами не шутят.

НАТАЛИ. Прости, Стив.

СТИВ. Ничего страшного, я привык к мерзким шуткам Ульи! Тем более теперь я уверен, что она не соврала и Харди Уилсон снова нас любит, а это очень важно!

УЛЬЯ. Завтра я тебя с ним познакомлю, Кшиштоф. Он первый чернокожий, который возглавил такой прогрессивный журнал, как *New Yorker*, раньше это место могли занимать только белые, но теперь в США лучше всего быть чернокожим гомосексуалистом, и при этом хорошо бы еще и инвалидом, тогда тебе все двери открыты и плюс ты можешь повсюду высказывать свое мнение, потому что ты идеальный набор: чернокожий инвалид — гомосексуалист. И, кстати, наш Харди именно такой. Он гей и у него вместо правой руки протез. Идеальный набор для карьеры в современном западном мире! Но, правда, нужно признать, что он чертовски умен, у него отличный вкус и невероятно развитая интуиция. Впрочем, еще пятнадцать лет назад этих качеств было бы недостаточно, чтобы занять место главного редактора самого лучшего журнала в Нью-Йорке. Однако сейчас, как я уже сказала, в моде другие ценности. Поэтому даже жалко, что ты не инвалид, Кшиштоф. Может, попросим нашего Стива, чтобы он сломал тебе ногу или хотя бы палец на руке? А еще мы можем покрасить тебя в черный цвет! Ха-ха-ха!

Улья хохочет почти минуту. Наконец она успокаивается.

УЛЬЯ. Ну ладно-ладно, я шучу. Шучу! В общем, завтра ты получишь шанс изменить свою жизнь, Кшиштоф. Если, согласно нашему договору, ты все сделаешь правильно. Продолжаем. Итак, твой вопрос, малыш.

Пауза.

КШИШТОФ. Поговорим о ваших дальнейших творческих планах. Пока вас не было, Стив проговорился, что вы, кажется, работаете над новым романом, могу я узнать, о чем он?

УЛЬЯ. А знаешь, какой вопрос категорически нельзя задавать художнику? О чем его произведение. Когда эти глупые журналисты спрашивают меня — расскажите, о чем ваша книга? — меня просто трясет от негодования. Потому что настоящая книга никогда не может быть просто «о чем-то», книга — это не сюжет, не тема, книга — это целостное произведение искусства. Она о том, что ты чувствуешь в тот момент, как ты ее читаешь. Ты меня понимаешь, мой отсталый поляк?

КШИШТОФ. Боюсь, что не совсем.

УЛЬЯ. Главный смысл всегда находится в самом чтении книги, а не в ее содержании.

КШИШТОФ. Не могли бы вы повторить это еще раз, мне эта мысль показалась очень интересной.

УЛЬЯ. Эта фраза теперь у тебя в диктофоне, можешь прослушивать ее сколько угодно.

МАЙКЛ. Уверен, так он и сделает!

КШИШТОФ. И все же, как вы сказали? Смысл книги в ее чтении. Как это?

УЛЬЯ. Смысл книги раскрывается во время чтения книги, малыш. Книга пишется для того, чтобы ее читали, для самого акта чтения. Ок? Смысл книги раскрывается в тот момент, когда ты держишь ее в руках. Книга — это всегда про того, кто ее читает в данный момент времени. Она всегда про те чувства, которые испытывает читатель во время чтения, про контакт читателя с чем-то завораживающим и пугающим. Про волнение, которое мы испытываем от того, что соприкасаемся с чем-то, что подтверждает нам нашу бесконечность. Даже если темой произведения является отвратительный ад. Ты меня понимаешь, Кшиштоф?

КШИШТОФ. Ну, во всяком случае, я пытаюсь понять. Мне кажется, что мы в очередной раз наталкиваемся на старый как мир вопрос о том, в чем смысл искусства? Кстати, что вы об этом думаете?

УЛЬЯ. Я думаю, что в искусстве есть только один смысл — наслаждение искусством. Иногда мучительное!

КШИШТОФ. Ну тогда простите меня за еще один глупый вопрос. Дело в том, что в моей стране сейчас очень актуальна тема цензуры в искусстве. Как вы считаете, искусству все позволено или есть ограничения и табу?

УЛЬЯ. Я считаю, что на территории искусства возможно все... кроме неискусства. Это понятно?

КШИШТОФ. А каковы критерии искусства, кто будет решать, что есть искусство, а что нет?

УЛЬЯ. У произведения искусства обязательно должна быть рамка. Наподобие той, которая обрамляет полотна великих мастеров живописи, выставленных в музеях искусств. Разумеется, не в буквальном смысле, но все же очень ощутимая. Искусство всегда находится внутри этой рамки. Внутри четко обозначенных границ. Повторюсь, границ не обязательно материальных. Однако эти границы очень важны, так как именно они отделяют произведение искусства от окружающей бытовой среды. И стирание этих границ никогда не приближает зрителя к реальности, а, наоборот, только отдаляет от нее.

Поэтому очень важно, чтобы мы могли посмотреть на произведение искусства как бы со стороны. Смотреть и видеть — это есть первый шаг к тому, чтобы приблизиться к настоящей любви.

МАЙКЛ. Любви?!

УЛЬЯ. Да, Майкл, — любви. Потому что, чтобы любить, нужно быть свободным от предмета своей любви. Зависимой любви не существует, любовь — это свобода и независимость. А значит, нужно смотреть! А значит, границы все же крайне важны! Границы очень важны для любви! Кто это там внутри своих собственных границ так стремительно падает вверх? Я смотрю! Кто это там так сильно хочет отовсюду уйти?! Я смотрю! Уйти от себя, от своего затвердевшего взгляда на жизнь, от своей крови, от своей национальности и своего пола, от своего мастерства, уйти из всего, эта девочка стремительно падает вверх, чтобы научиться любить! Налей мне, пожалуйста, еще виски, Стив.

СТИВ. Ты уверена?

УЛЬЯ. Ты что, совсем сошел с ума, Стив? Ты когда-нибудь видел меня неуверенной в тот момент, когда я чего-то хочу?

СТИВ. Ты права, никогда не видел.

УЛЬЯ. Будь добр, — виски, дорогой.

СТИВ. Да, Улья.

Стив идет к полке со спиртным, наливает виски, приносит Улье и возвращается на свое место.

КШИШТОФ. Простите, а как называется ваш новый текст, над которым вы сейчас работаете, или это пока что секрет?

Улья делает глоток виски.

УЛЬЯ. Он называется «Волнение».

СТИВ. О! Теперь у тебя новое название!

НАТАЛИ. «Волнение» — красивое название!

КШИШТОФ. Очень поэтично!

УЛЬЯ. Н-да. Тем более что это роман в стихах.

СТИВ. В стихах?!

НАТАЛИ. Не знала, что ты пишешь стихи, мама!

УЛЬЯ. Начала. Месяц назад — начала. Но я вижу, что у твоего диктофона, Кшиштоф, большой запас памяти, он так долго работает, ты уверен, что он все еще записывает?

КШИШТОФ. Ну...

СТИВ. Если с одним что-то случится, то есть на всякий случай другой.

НАТАЛИ. Все в порядке, мы за этим следим.

МАЙКЛ. О да! Они следят!

НАТАЛИ. Не отвлекайся, мама, говори то, о чем ты хотела всем сообщить.

КШИШТОФ. Да, действительно, Улья, у меня стало складываться впечатление, **что вы хотите поделиться со своими читателями чем-то очень важным?** Важном именно для вас. Вы хотите что-то сообщить?

Пауза.

УЛЬЯ. Да.

Пауза.

КШИШТОФ. Что?

Пауза.

УЛЬЯ. Ну так вот... Хм. Не так просто это сказать... Я испытываю некоторое волнение... Ну да ладно, кажется, что время пришло... Этот парень — Милан, о котором полчаса назад упоминала тут Натали. Кстати, он был сербом. Красивым, умопомрачительным сербом! Сербы — они все такие: сумасшедшие, сексуальные и выпадающие из окон.

(Внимание. Для переводчиков и постановщиков: с этого места конструкция фраз содержит поэтический ритм)

Милан! Тот самый серб, что съел ЛСД и выпрыгнул, как и положено сербу, вниз из окна. И, как всем известно, я ждала его в ванне, наполненной пеной... Ха-ха... Н-да... Так вот, все дело в том, что он не совсем сам вышел из этого окна, а это... Это я ему слегка помогла. Помогла. Слегка подтолкнув его в спину, когда он сидел на подоконнике и смотрел вниз. Я стояла у него за спиной, он сказал — вот там внизу высота. И мне так понравилась фраза «Вот там внизу высота», красивая фраза, не так ли? «Внизу высота»! И если ты падаешь вниз, а там внизу высота, то ты летишь вверх? Получается, так? Падая вниз — ты падаешь вверх. ЛСД очень мощное психотропное вещество, оно полностью меняет тебя. Меняет твое ощущение того, что есть «низ», а что «верх», и что есть «пространство», и что есть «любовь». Под ЛСД любовь всегда является смелым шагом вперед! Так что это я вытолкнула его из окна. Я стояла у него за спиной и слегка подтолкнула его... В спину. И он, не имея опоры и не ожидая, что это случится — ушел. Упал вниз. А раз внизу была «высота», то он «упал вверх». Получается, что это я убила его. Я помогла ему «уйти вверх», подтолкнув его вниз.

Пауза.

УЛЬЯ. И вот теперь-то, Стив, Нобелевская премия уже точно достанется мне. Ха-ха-ха.

Улья хохочет или плачет сквозь «странный смех». Через минуту успокаивается.

Пауза.

СТИВ. Это шутка.

МАЙКЛ. Улья, ты гениальна! Я счастлив, что познакомился с таким человеком, как ты! Это лучший день в моей жизни!

КШИШТОФ. Это ведь шутка?

НАТАЛИ *(обеспокоенно)*. Мама?!

УЛЬЯ. Это творчество, дочка. Но для меня это прежде всего «падение вверх». Я ведь падаю вверх. С самого раннего детства я падаю вверх.

НАТАЛИ. Мама! Не могла бы ты все же взять себя в руки и перестать так шутить, тем более что погиб человек. Любимый твой человек. Ты ведь сама говоришь, что должны быть границы.

УЛЬЯ. И они есть. И мы с вами сейчас находимся внутри этих самых границ — мы все сейчас выпали из окна и летим.

НАТАЛИ. Ну и что ты этим хочешь сказать, объясни?

УЛЬЯ. Я все объяснила. Я падаю вверх!

КШИШТОФ. Очередная метафора, да?

НАТАЛИ. Черт, Стив! Я немного боюсь...

СТИВ (*несколько встревоженно*). Улья?!

УЛЬЯ. Я виновата во всем. Я не виновата ни в чем. Я падаю вверх. Это миф!

КШИШТОФ. Это миф?!

НАТАЛИ. Мама?! Посмотри мне в глаза? Это ведь все потому, что ты выпила виски, скажи?

УЛЬЯ. Я говорю — я падаю вверх.

СТИВ. Улья, прошу тебя, скажи, что это просто твоя очередная игра!

УЛЬЯ. Это, безусловно, игра.

МАЙКЛ (*встревоженно*). Что происходит?!

КШИШТОФ. Улья, скажите, вы что, правда способны вытолкнуть человека в окно?

УЛЬЯ. Мне, кажется, что это неважно. Это не имеет значения, потому что я хочу сказать совсем о другом.

КШИШТОФ. А о чем?!

УЛЬЯ. О том, что события не имеют значения, имеет значение только наша реакция — то, что мы чувствуем, — в данный конкретный момент.

СТИВ. Ладно, мне кажется, нет повода для беспокойства. Все это очередная игра.

НАТАЛИ. Мама, скажи нам, прошу тебя — это просто игра, при помощи которой ты хочешь нам объяснить, что чувствует автор, когда он пишет новый роман?

УЛЬЯ. Вы знаете, я уже не уверена, что смогу вам все объяснить, потому что вы все...! Вы все! Вы все смотрите совсем не туда. Не на то, на что нужно смотреть.

КШИШТОФ. Хорошо! Я готов попробовать это понять. Итак, что я должен понять?

УЛЬЯ. Прежде всего ты должен почувствовать.

КШИШТОФ. Что?!

УЛЬЯ. То, что сейчас происходит с тобой.

КШИШТОФ. Черт! И снова этот заколдованный круг!

НАТАЛИ. Стив, ты понимаешь, что это действительно могло быть именно так, как она говорит?

СТИВ. Лично я предпочитаю думать, что это не так.

МАЙКЛ. Улья, я не понимаю — ты что, действительно выпихнула этого чувака из окна?!

УЛЬЯ. Я же сказала, что вы смотрите сейчас не туда.

КШИШТОФ. А куда нам смотреть?! Может быть, вниз из окна?

УЛЬЯ. Там, за окном, нет низа, там только верх. Высота.

СТИВ. Но ты также сказала, что это — всего лишь искусство, игра.

УЛЬЯ. Потому что это искусство и это игра.

КШИШТОФ (*выходит из себя*). Черт возьми! Но я не понимаю, что значит «игра»?!

УЛЬЯ. Я падаю вверх.

СТИВ. Боже мой, Улья! Как далеко все это зашло. Давайте-ка немедленно все прекратим.

НАТАЛИ. Мама, ты, кажется, очень пьяна?!

УЛЬЯ. Я абсолютно трезва.

НАТАЛИ. Черт возьми! Она это сделала, Стив.

СТИВ. Я так не думаю.

МАЙКЛ. Ок, а что думать мне?!

КШИШТОФ. А мне?!

НАТАЛИ. Мама?!

УЛЬЯ. Вообще-то, я хотела бы, пользуясь случаем, попросить прощения у всех, кого обидела моя жизнь. Видите, я не говорю: «простите, кого обидела я», но только — простите, кого обидела «моя жизнь». Я хотела бы попросить прощения у всех тех, кто от соприкосновения со мной пострадал. Я прошу прощения у тех, кто пострадал от меня и, главное, от всех моих книг. Я всего лишь хотела сказать, что для меня жизнь — это слова. Жизнь вообще, и моя личная жизнь — это слова. Слова, произнесенные мной, и слова, произнесенные обо мне. С раннего детства я живу с чувством, как будто кто-то создает все эти слова обо мне, что моя жизнь — это чьи-то слова. Кто-то произносит слова обо мне, и вот я живу. Кто-то произносит слова обо мне, и вот я люблю. Или это слова о том, что я потеряла любовь. Или это слова о том, какую я чувствую боль. Или это слова о том, что кто-то падает вниз из окна, но при этом падает вверх. Все это слова. Я — это слова. Произведение искусства. А произведение искусства — это то, что вы ощущаете вот в этот самый момент. Прямо сейчас. Так проявляется Автор. Творец! Творчество — это волнение Творца в каждой секунде творения, в каждой частице этой странной вселенной и в каждом из нас. Я лечу.

Пауза.

НАТАЛИ (*подавленно*). Мама, мне страшно. Стив?!

СТИВ. Я очень устал.

МАЙКЛ. Н-да, ну и денек!

НАТАЛИ. И у меня тоже нет сил.

КШИШТОФ. А я просто разобран на части!

Пауза.

УЛЬЯ. Ну вот, это все, что я хотела сказать. Ну и теперь ты можешь выключить свой диктофон.

Улья встает и отходит к окну. Садится на подоконник и смотрит в окно. Кшиштоф забирает со стола свои диктофон и айфон, кладет их в сумку. Майкл идет к столику со спиртным, наливает себе виски и пьет. Стив и Натали сидят молча.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Улья Рихте. Отрывок из нового, еще не опубликованного романа в стихах.

ВОЛНЕНИЕ

Когда я вижу тебя, то ты для меня совсем не та, кого я люблю.

А ты для меня являешься тем, что должно было пройти, но не прошло.

Ты для меня являешься сном, в котором есть только цветы, запах соли и мертвая ткань.

Ткань, сотканная из чувств, сомнений и пропасти, в которой нет дна.

Волнение это вода.

Волнение это вода, и вода течет вниз.

Волнение это река, и река стремится туда, где уже нет границ — в океан.

Там уже нет границ.

Там я чувствую только потребность любить.
Волнение это потребность любить того, кого нет.
Того, кого нет в живых.
Волнение это значит любить того, кто струится ручьем и всегда,
всегда, является тем, что нельзя ухватить.
Тем, чем нельзя овладеть.
Тем, о чем невозможно молчать и о чем нельзя говорить.
Потому что слова это только лишь то, что я говорю тебе о любви,
но не любовь.
Это только лишь то, о чем мы молчим, но вряд ли это любовь.
Это совсем не любовь.
Тишина, как и слова, произнесенные вслух, это вряд ли любовь.
Это совсем не любовь.
Потому что любовь — это ты.
Волнение, возникшее где-то в груди.

Пауза.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Спасибо за внимание. До свиданья.

ЗАНАВЕС

Варшава, 17.07.2018 г.